

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕЧЕВЫХ ПРОЦЕССОВ

Функциональный анализ речевых процессов [см. 1, 8] предполагает выявление их специфики в общей организации личностных и деятельностных функций субъекта. К речевым процессам относится исполнение *продуктивных* (творческих) и *репродуктивных* (воссоздающих) функций *речепорождения* (говорение, письмо) и *речевосприятия* (слушание, чтение), *субъективной реальности* (внутренняя речь).

Продуктивные речевые процессы связаны с осуществлением речевой деятельности с целью специального создания текстов, а также с формированием и формулированием личностных смыслов, программ, способов, условий их реализации (*функция создания*).

Репродуктивные речевые процессы проявляют себя в ситуациях социального, социально-психологического, межличностного взаимодействия, общения и коммуникации, в которых воспроизводятся социальные, профессиональные, деятельностные, статусные, гендерные, ролевые стереотипы (*функция воспроизведения*).

Процессы *речепорождения* обнаруживают себя в речевых актах, в которых в языковой устной или письменной форме выражается субъект и предикат мысли, их последовательность или система, с той или иной степенью адекватности связанных с предметом мысли, и преследующих достижение индивидуальной или совместной с другими (конвенциональной) цели (*функция выражения*).

Процессы *речевосприятия* осуществляются как «декодирование смысла» (Н.И.Жинкин), содержащегося в устной (слушание) или письменной (чтение) речи, с опорой на соответствующие речеслуховые или зрительные образы (*функция декодирования*).

Речевые процессы, образующие в своей совокупности речевую систему, отражают процесс пользования языком, являющегося средством социализации, присвоения общественного, воспроизведения и выражения индивидуального опыта.

Язык как система *знаков* – это внесубъектное, внеличностное, надличностное знание, входящее как объективная данность в содержание жизни этнической и социальной общности. Речь же, будучи индивидуальной системой *языковых паттернов*, характеризуется субъектным, личностным отражением и выражением воздействия объективной или субъективной реальности, генезис которой восходит к коммуникационным отношениям ребенка и взрослого.

Речь приобретает смысл в момент акта коммуникации, в котором происходит «вливание смыслов» (Л.С.Выготский) говорящего и слушающего. Говорящий и слушающий вкладывают в «произносимое-слышимое» свой собственный, индивидуальный, субъектный смысл, уточняя и корректируя его каждый для себя, приближаясь тем самым к общему пониманию предмета разговора.

Этот момент в коммуникации достаточно хорошо иллюстрируется примерами, когда собеседники употребляют элементы из высказываний друг друга. Речевые единицы при заимствовании берутся из предыдущего высказывания собеседника. В этом мы видим стремление собеседников к достижению лучшего понимания путем поиска общей фразеологии. Сжатость высказывания в диалоге достигается за счет использования элементов предыдущего текста. Свои высказывания присоединяют к уже произнесенному тексту, используя сказанное раньше [6, с. 54]. Собеседники все же хотя и употребляют слова из предыдущей реплики, но их значение несколько отличается от значения в реплике партнера.

Исходным в анализе строения речевой системы, как мы считаем, является признак *коммуникативности* – основное условие появления языка как системы конвенциональных знаков, принимаемых данным сообществом, и развития речевой системы, восходящей генетически к научению ребенка конвенциональным знакам и пользованию ими в соответствии с принятыми правилами, имплицитно данными в практике речевых коммуникаций.

На ранних этапах онтогенеза коммуникативный акт взрослого и ребенка характеризуется тем, что ребенок воспринимает речевой поток как *первосигнальный раздражитель*, содержащий признаки звучания (интонационные, мелодические, тембральные), имеющие *сигнальное* значение.

Способность выделять в речи в качестве значимого признака ее эмоциональность является следствием потребности в безопасности, а, следовательно, инстинкта самосохранения, а также возникающей в качестве новообразования младеческого возраста потребности в эмоциональном общении.

Эмоциональное общение является ведущей деятельностью в возрасте 0,1 – 0,6 года. Его последующие трансформации, согласно М.И.Лисиной, связываются с появлением таких форм, как ситуативно-личностное, ситуативно-деловое, внеситуативно-познавательное, внеситуативно-личностное общение. В этих формах общения заметна потребность ребенка во внимании и доброжелательности взрослых, в соучастии, совместном обсуждении явлений предметного мира, взаимопонимании и сопереживании взрослым. Следовательно, с развитием ребенка и его потребностей происходит расширение его восприимчивости к собственно речевым (языковым) информативным признакам.

Если продолжить рассуждение в плане зависимости речевого развития от усложнения процессов общения, то можно прийти к выводу о том, что в *речевом образе содержится совокупность признаков, начиная с непосредственной (интуитивной) данности (генерализация) и заканчивая результатами обобщения на абстрактно-дискурсивном уровне, что, собственно, и определяет его уровневое строение.*

Особенности речевого развития на ранних этапах онтогенеза можно проследить путем обращения к категории *мышления*. Исходя из того, что уровень развития мышления определяет особенности генерализаций и обобщений, можно полагать, что соотношение в нем *практических* (практическое мышление) и *гностических* компонентов (дискурсивное мышление) влияет на процесс формирования образов, в том числе и речевых.

Положение о дословесном и словесном уровнях мышления [2] позволяет считать, что речевые образы развиваются в составе *полиmodalной коммуникативной функциональной системы*, включенной в контекст *социального развития* индивида, а не в порядке формирования поаспектных кодов (фонологического, фонематического, лексического). Это означает, что исходный слуховой *первосигнальный* образ, сформированный под влиянием генетически заданного механизма различать стимулы как эмоционально положительные или отрицательные сигналы, и образования

соответствующего условного рефлекса возникает как «праоснова» речевых образов, являющихся результатом последующих трансформаций в процессе развития общения и деятельности.

Исходя из положения о значении ведущей деятельности для психического развития, мы допускаем существование в каждом возрастном периоде специфической речевой функциональной системы, обеспечивающей коммуникацию со взрослым и сверстниками. В соответствии с этим мы считаем, что особенности средств коммуникации воспроизводят особенности ведущей деятельности.

Основываясь на идее о существовании некоторой исходной генетической праосновы речевого образа, ответ на вопрос о специфике развития речевой системы и, следовательно, о ее строении следует искать, на наш взгляд, в психологии «внесловесной мысли», которая «... объективирована в мозговых нейродинамических системах – кодах определенного типа, отличных от кодов внутренней речи» и «... представляет собой специфическую разновидность и неотъемлемый компонент субъективной реальности» [2, с. 75].

Конструкту «внесловесная мысль» в некоторой степени созвучна идея «неосознаваемого внутреннего плана» [5]. «Неосознаваемый внутренний план» изменяется в ходе интериоризации, превращаясь в факт и функцию сознания. Эта мысль, по своей сути верная, так как «... усвоение не может идти «в пустоту» [5, с. 113], может быть сформулирована в более привычных терминах – терминах генерализации и обобщения. Тогда «неосознаваемый внутренний план» может быть охарактеризован как процесс и результат аналитико-синтетической активности мозга. Сюда может быть отнесена активность и избирательность психического отражения, интенции, потребности.

Существование человека как социоиндивида подчиняется действию принципа сохранения гомеостатических отношений в системе «человек – среда». Тогда «неосознаваемый внутренний план», «интенции» (Дж.Брунер) – это и *процесс*, и *результат отражения*, содержательные и формальные особенности которого определяются содержанием событий и отношений жизнедеятельности.

Авторы цитированной выше статьи пишут: «В результате интериоризации этот внутренний план качественно меняется – формируется план сознания» [5, с. 113]. Отметим, что осознание всегда связывается с речью в том или ином ее виде – от сокращенного, предикативного, присущего внутренней речи, до развернутых речевых конструкций, в которых формулируются рассуждения размышляющего человека.

Полагаем, что «план сознания» (осознавания) является точкой отсчета в процессе развития обобщения. Найти общее, выделить общее, назвать общее в представлении словом – это способность, знаменующая переход от «неосознаваемого внутреннего плана» к «осознаваемому плану». Формирование такой способности тесно связано с динамическими характеристиками переработки информации – текущей и отсроченной. Здесь текущее настоящее теряет вою «текучесть» и приобретает стабильность в некотором обобщенном конструкте, характеризующемся обобщенностью и произвольностью. Необратимое текущее превращается в обратимое, устойчивое.

Фиксация и превращение динамического (индискретного, неосознаваемого) в статическое (фиксированное) возможны при наличии некоторой психической данности – субъективной реальности, характеризующейся определенной временной транспективой. Последняя выражается в *пространственно-временной ориентации* применительно к тому или иному событию.

Такие временные преобразования возможны при условии уже сформированного и закрепившегося образа этого события. *Обратимость пространственно-временного континуума* в психическом (субъективном) образе представляет собой очень важное свойство психического отражения, благодаря которому не только происходит *упорядочивание* континуума объективной реальности, но и дальнейшее *развитие* образов и их систем в плане их *самоорганизации* и *саморазвития*.

Дихотомические противопоставления обратимого/ необратимого, динамического/ статического, текучего/устойчивого указывают на пересечение, момент *соприкосновения* явлений *генерализации* и *обобщения*. Процесс генерализации осуществляется по ходу действия текущим образом. Обобщение же основано на рефлексивном отношении к объекту отражения. Поэтому можно заключить о том, что «неосознаваемый внутренний план» преимущественно связан с *текущим настоящим*, с необратимыми процессами.

Специфика переработки информации в нервной системе очень хорошо отражена в следующей формулировке Л.А.Чистович: «... нервная система может «видеть» только очень маленький отрезок временного процесса» [7, с. 8]. Мы полагаем, что прошедшее в «неосознаваемом внутреннем плане» существует в виде генерализованных аспектов настоящего. Мы также считаем, что генерализация обеспечивает целесообразность действий и отражения только в настоящем. В целом, генерализация как результат предшествующего прошлого опыта проявляет себя в практическом, наглядно-действенном мышлении.

Явление интериоризации, которое, как мы считаем, связано с общим ходом генерализации, имеет ряд признаков, по которым оно может быть отнесено к процессу выработки образов. Существует мнение, согласно которому интериоризация – это «некий процесс, в ходе которого формируются глубинные, устойчивые, синхронические структуры человеческой психики» [5, с. 112]. Можно в этой связи полагать, что эти структуры обладают некоторым надсистемным качеством, не выводимым из анализа взаимодействия элементов структур. «Надсистемность», как мы считаем, является следствием движения субъективной реальности, результатом литических процессов, связанных с осуществлением «аутокоммуникативных» внутренних диалогов. Объективным условием, определяющим возникновение и разворачивание внутренних диалогов и, следовательно, развитие психических функций, является самоотражение субъекта в контексте субъект-субъектных и субъект-объектных отношений жизнедеятельности.

Конструкт «внесловесная мысль» не имеет признаков, позволяющих охарактеризовать его как процесс. Процесс развернут во времени. *Одномоментность* мысли позволяет обозначить ее как *идею* о некоторой объективной данности. Эта идея существует как образ, образ представления, представление. В образах *актуализированы* признаки, существенные для данной ситуации и соответствующие ее *логике*.

В наших рассуждениях мы исходим из того, что *образ выполняет в этом случае функцию суждения, в котором логический субъект и логический предикат даны одномоментно*. Отсюда основными признаками образа и, как мы полагаем, «внесловесной мысли» являются *субъектность* (S) и *предикативность* (P).

Развитие образа осуществляется по схеме: синтетическое видение – анализ признаков (предикация образа) – синтез.

Анализ признаков (предсказание) основан на выделении и словесном обозначении признака. Поскольку объект, как правило, мыслится в смысловых связях с *различными* ситуациями, постольку различие смысловых связей определяет смысловое своеобразие «внесловесной мысли».

На основании сказанного конструкт «внесловесная мысль» можно отнести к явлениям, которые занимают *промежуточное положение* между процессами памяти и мышления как момент «извлечения» информации из памяти. Если исходить из того, что «внесловесная мысль» объективирована в мозговых нейродинамических системах [2, с. 75], а нейродинамические системы – это знаковые системы [3], то можно заключить о том, что «внесловесная мысль» есть *промежуточное явление между образом ^[1] и знаком ^[2]*. Отсюда следует, что назначение «внесловесной мысли» заключается в *актуализации* чувственной основы (*доречевых компонентов*), которая предшествует во времени речевым элементам мысли.

Необходимо отметить существование образов единичных предметов, которые наряду с общими признаками содержат и частные (несущественные, но индивидуальные, отличительные, присущие только этому предмету) признаки. Отсюда следует, что система образов представляет собой многоуровневое образование, в котором самый высокий уровень представлен обобщениями высшего порядка. Низший уровень составляют частные образы. Если следовать такому представлению, то можно заключить о системе образов, обладающей не только сложным строением существенных признаков (расположение по горизонтали), но и характеризующейся определенной архитектурой (расположение по вертикали). Последнее в общих чертах отражает процесс развития образов и их системы.

Рассматривая речевые образы как инварианты речевых структур, следует отметить их связь с речевым опытом, с образами ситуаций и их элементами. Можно думать о существовании двух противоположных процессов: 1) процесса образования инвариантных речевых структур; 2) процесса «привязки» инвариантных речевых структур к конкретным речевым явлениям. В данном случае речевые явления могут быть представлены в виде объективно воспринимаемой устной или письменной речи или внутренних диалогов в субъективной реальности.

Восприятие речи основывается на синхронной (текущей) или дискурсивной (отсроченной) переработке информации. В последнем случае динамичный, меняющийся речевой поток, осуществляющийся в настоящем времени теряет свою «текучесть» и приобретает стабильность, устойчивость. В данном контексте отметим, что процессы осознания предполагают создание условий статичности, благодаря которым динамичные элементы процесса превращаются в статичные объекты внимания, анализа, осмысления.

Согласно Д.И. Дубровскому, в структуру субъективной реальности входят признаки динамичности, многомерности, биполярности, самоорганизуемости. Динамичность понимается как способность находиться в постоянно локальном или глобальном изменении. Многомерность трактуется как единство качеств разного порядка, которые не сводятся друг к другу. Биполярность – это единство противоположностей, обеспечивающих целостность структуры. Самоорганизуемость обеспечивается действием внутренних факторов, проявление которых не нарушает внутренней целостности [2, с. 80].

Д.И. Дубровский считает, что базисной структурой субъективной реальности является «единство противоположных модальностей «Я» и «не-Я» [2, с. 80 – 81]. Содержание субъективной реальности изменяется в биполярном контуре «Я» и «не-Я»: «...содержание, принадлежащее «не-Я» (т.е. отображающее свойства, особенности других людей, внешних предметов, процессов), может переходить в модальность «Я», превращаться из «другого» в «свое», «усваиваться» данным «Я» в актах эмпатии, «очеловечивания» явлений природы, в игре, интериоризации опыта другого человека, в процессе освоения новой социальной роли и т.п.» [2, с. 81].

Указание Д.И. Дубровского на диалогичность сознания может быть интерпретировано как подчеркивание атрибута *аутокоммуникативности*, основу которого, согласно Л.С. Выготскому, образует интериоризация бесед с другом. Отметим, что «беседы с другом» формируют эмпатию, идентификацию, рефлексивность как явлений эмоционально-когнитивного порядка, где познавательный компонент осуществляется на фоне и при ведущей роли оценочного компонента.

Сопоставляя феномена эмпатии с данными психологии эмоционального общения (см. М.И. Лисина), можно отметить, что одним из *механизмов речевого развития* является *феномен отождествления себя со значимыми другими*. Это означает, что речевая действительность имеет личностную окраску, несет на себе отпечаток личности говорящего и воспринимающего.

В заключении укажем, что во *внутренних аутокоммуникативных диалогах* раскрывается *сущность* субъекта как личности, формируется система ценностей. Содержание бесед с другим преломляется, осмысливается, становится внутренним, собственно личностным смыслом через внутренние диалоги, потому что во внутреннем диалоге фиксируется динамическое настоящее, происходит упорядочивание фактов динамического настоящего.

Развитие речевой системы – континуальный процесс, характеризующийся в каждый данный момент многоплановостью, на полюсах которой находится, с одной стороны, чувственное отображение конкретного предмета (перцептивный образ, чувственная ткань образа), а с другой – идея о нем, содержащая те признаки, которые и характеризуют его как идеальное явление (репрезентативный образ).

ЛИТЕРАТУРА

1. Брунер Дж. С. Онтогенез речевых актов // Психолингвистика: Сб. статей / Сост. А.М. Шахнарович. – М.: Прогресс. – 1984. – С.21 – 49.
2. Дубровский Д.И. Проблема идеального. – М.: Мысль, 1983. – 228 с.
3. Губанов Н.И. Образное и знаковое в чувственном отражении // Философские науки. – 1980. – №5. – С. 57 – 83.
4. Запорожец А.В. Избранные психологические труды: В 2 т. – М.: Педагогика, 1986. – (Труды действительных членов и членов-корреспондентов АПН СССР / АПН СССР). – Т.1: Психическое развитие ребенка / Под ред. В.В. Давыдова, В.П. Зинченко. – 320 с.
5. Ковалёв А.Г., Радзиховский А.А. Общение и проблема интериоризации / Вопросы психологии. – 1985. – № 1. – С. 110 – 120.
6. Кучинский Г.М. Диалог и мышление. – М.: Изд-во БГУ, 1983. – 190 с.

7. Чистович Л.А. Проблемы исследования временной организации речи // Вопросы теории и методов исследования восприятия речевых сигналов: Сенсорные системы: Сборник статей. Вып.3.–М., 1972.– С. 5 – 32.

8. Ушакова Т.Н., Громова О.Е. Белова С.С. Раннее речевое развитие и его природные основания // Вопросы психологии. – 2007. – №2. – С. 44 – 56.

Подано до редакції 24.02.09

РЕЗЮМЕ

Доводиться, що позасловесна думка є ментальним утворенням, яке має атрибути образу і знаку. Перехід від мовного образу до мовного знаку містить властивості, які указують на функціональні особливості мовних процесів.

РЕЗЮМЕ

Доказывается, что внесловесная мысль – это ментальное образование, обладающее признаками образа и знака. Переход от речевого образа к речевому знаку содержит признаки, указывающие на функциональные особенности речевых процессов.

SUMMARY

A non-verbal thought is considered to be a mental formation which has attributes of an image and sign. A transition from speech image to speech sign contains properties which specify functional features of speech processes.

Ключові слова: мова, мовний розвиток, позасловесна думка, образ, знак.

Ключевые слова: речь, речевое развитие, внесловесная мысль, образ, знак.

Keywords: language, speech development, non-verbal thought, image, sign.

[1] *Образ* – целостное отображение действительности, в содержание которого одновременно включены основные перцептивные признаки. Развитие и трансформация образа заключается в постепенном переходе от пространственного образа к перцептивным схемам, значениям, символам [4, с. 152].

[2] *Знак* – явление, способное замещать или представлять тот или другой предмет в сознании. Поэтому чувственное отображение имеет образное содержание и знаковую форму [3, с. 58]